

Аркадий Яковлевич, многие юмористы - и вы не исключение - берут псевдонимы. Процесс выбора нового имени очень творческий и сложный. Но говорят, что у юмористов он проходит весело.

- Да уж, очень весело. Мне сначала понравился псевдоним - Гай. Хорошо звучит, подумал я, Аркадий Гай. Но однажды мне прочитали эпиграмму: «Если б Гаю божий дар, родился бы второй Гайдар»... Тогда решил взять псевдоним Аркан, но уже был Аркадий Арканов. Почему пришлось стать Ининым? Все просто: мою жену зовут Инна. До замужества она носила простую фамилию Иванова и мечтала ее поменять. Когда вышла за меня замуж, стала Гуревич. Затем я официально поменял фамилию, потому что на концерты приглашали Инина, билеты на самолет заказывали на Инина, не говоря уж о том, что и гонорары присылали на Инина... Вот и попробуй потом докажи, кто ты есть. Теперь я, мои дети, внук - Инины, а жена долгие годы была Инной Гуревич.

- Многие писатели получили образование в Литературном институте, сценаристы - во ВГИКе, а вот на юмористов нигде не учат.

- Этому, видимо, учит жизнь. Я и не мечтал стать юмористом. Мое детство и юность прошли на Украине. Окончил харьковский политехнический. Участвовал в самодеятельности, капутниках, КВН, в студенческом эстрадном театре миниатюр... После окончания института 8 лет работал инженером-электромехаником. Постепенно у меня появлялись репризы, шутки, которые понятны, скажем, не только на кафедре родного института. Носил их в газеты, на телевидение. Стал печататься в «Клубе 12 стульев» «Литературной газеты». Это то гнездо, из которого, собственно, вышли все сегодня более или менее известные люди, работающие в жанре юмора. Помню, у нас там была присказка: «Не знаешь, что с приходом... ну, скажем, Арканова... приобрела литература, но то, что медицина с его уходом ничего не потеряла - это наверняка!»

Про всех нас, в том числе про меня, можно так сказать. Хотя я всегда был отличником - и в школе, и политехническом институте, и во ВГИКе, который потом тоже окончил. Но то ли на беду, то ли на счастье я все быстро забываю.

- В вашем поколении много блистательных юмористов. Тем не менее нельзя сказать, что вы похожи.

- Старшее поколение наших юмористов - в основном все шестидесятники. И Жванецкий, и Арканов, и, увы, ушедший от нас Горин. А помоложе - те, кого мы числим в наших рядах... и надеюсь, что они числят нас в своих рядах - это Михаил Задорнов, Михаил Мишин, Семен Альтов... У нас разница с ними 10-15 лет. Хотя они уже к нам подтянулись, а мы немного до них задержались. Но они моложе, крепче, здоровее. И дай им бог побольше еще сделать. Ну и, наконец, непоротое поколение приходит, а поэтому, как мне кажется, менее изощренное, тонкое. Хотя, конечно же, нелепо утверждать, что на нас заканчивается сатирическая литература. Тогда вообще надо говорить, что она закончилась на Салтыкове-Щедрине, потом на Зощенко, на Саше Черном... Она всегда на ком-то заканчивается, но потом снова возникает и возрождается.

- Да, но в каком качестве - сатирическом или юмористическом?

- Острая сатира у нас существовала всегда - и до, и после советской эпохи. С глубоким уважением отношусь не только к тем, кто «чувства добрые лирой пробуждал», но и к тем, кто мог «глаголом жечь сердца людей». Просто люди по-разному смотрят на жизнь. Ощущают в себе или сатирические, или юмористические способности.

Был в советские годы такой замечательный фельетонист и автор романов Леонид Лиходеев. Он в

Аркадий ИНИН:

ФОТО ЭДУАРДА ЛАГОВКА

НЕПОРОТОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ... ГЕНИТАЛЬНЫЙ ЮМОР

У писателя-юмориста, кинодраматурга Аркадия Инина есть три любимых афоризма. Первый - девиз Габровского фестиваля: «Мир уцелел, потому что смеялся». Второй - девиз клуба «12 стульев» в «Литгазете»: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». И третий девиз - от польского остроумца Юлиана Тувима: «Если у вас нет чувства юмора, то должно быть хотя бы чувство, что у вас нет чувства юмора». О юморе в жизни и творчестве - беседа нашего корреспондента с Аркадием ИНИНЫМ.

юмористическом цехе сиял для нас как путеводная звезда. Его блистательные фельетоны были не о конкретных фактах. Они были о явлениях. Он говорил, что не считает себя человеком совершенным, который может бичевать других. Вот и я тоже никогда не ощущал себя сатириком. Мне бы самому еще у других поучиться, как жить.

Сатирики - это, на мой взгляд, Михаил Жванецкий, Михаил Задорнов. А я всегда был юмористом, лириком и остаюсь таковым до сих пор.

- Ваше становление как писателя-юмориста проходило в те годы, когда существовала цензура. Высмейвать разрешалось какие-то определенные стороны нашей жизни. Возможно, этим объясняется то, что сатириков у нас все-таки меньше, чем юмористов?

- Знаете, я сталкивался с цензурой, особенно по линии кино. Но воздержусь изображать из себя ее жертву. Киноцензура в Советском Союзе напоминала многоступенчатую игру, похожую на компьютерные игры. Если тебя «убили» на одном уровне: например, редактор в объединении, то ты мог перейти на следующий уровень - к редактору студии, потом - к ее директору. Если и тут не сложилось, шел в Госкино. Там тоже имелось много ступенек: куратор студии, заместитель главного редактора, главный редактор, зампреда комитета... Здесь вырезали, там разрешали. В конце концов мы шли (ну не мы, конечно, молодые, а мастера кино) прямо в тот самый страшный ЦК КПСС, где рвали рубаху на груди: «Творцов обижают!» И порой это срабатывало - ЦК заступался за деятеля кино. Хотя, конечно же, были и трагические, сло-

маные судьбы, как, например, у Андрея Тарковского.

Но в большинстве случаев это, повторяю, была игра, в которой обе стороны знали ее правила. Среди киночиновников было немало порядочных, нормальных людей, которые даже могли помочь, подсказать, как пробить сценарий.

Но нынешняя цензура денежно-мешка куда страшней прежней идеологической. На первых порах эти «мешки» были просто монстрами. Редакторы студии имели за плечами если не ВГИК, то уж как минимум культпросветучилище. А у этих, как правило, в зачете 6 приводов и 2 срока. Соответственно их разговор сводится к следующему: так, и больше никак...

Конечно, ситуация меняется. Сегодня деньгами распоряжаются более интеллигентные и образованные люди. Но все равно, если многовариантность старой цензуры позволяла где-то схитрить, переиграть, то сейчас, если спонсор или продюсер считает, что этот актер и эта актриса должны сниматься, потому что они «соберут бабки», значит, должно быть так. Если режиссер или сценарист не согласны, их просто меняют. Доказать ничего невозможно: встань хоть на уши, утверждая тысячу раз, что ты, художник, лучше все понимаешь. Одним словом, система жесткая, тяжелая. На мой взгляд, просто отвратительная.

- Вы написали сценарии к 35 кинокомедиям. Среди них «Однажды, двадцать лет спустя», «Одиноким предоставляется общежитие», «Тонкая штука»... Чем, однако, для вас, писателя, являлось кино?

- Кино - это жизнь, любовь, форма существования, я очень тоскую, когда нет съемок.

Большинство моих фильмов мне дороги, они выстраданы. Но некоторые не удалась. Обычно главные роли пишу на конкретных актеров, независимо от того, будут они играть или нет. Однажды это был Жан Габен. Просто при работе над сценарием мне нужно видеть реального человека: как он ходит, разговаривает...

Сам я не актер. Но когда-то придумал что-то вроде талисмана: показаться в своих фильмах хоть на секунду, на втором плане мелькнуть лысиной. Верю, что тогда фильм будет удачнее.

А вот отношения с режиссерами у меня исчерпываются анекдотом, который сами они не любят, а сценаристы находят душевным: «Сидят в киноархиве две мышки, грызут пленку фильма, и одна мышка другой говорит: «А сценарий был лучше...»

- Как к вам приходили кино-сьютеры?

- По-разному. Однажды в газете прочитал письмо матери-героини. В нем говорилось, что многодетных матерей у нас почитают только на словах. Другой бы на эту тему написал горький суровый сценарий, а я задумал лирическую комедию. Связался с автором письма, но та возмутилась: дескать, ничего комедийного в ее истории нет. Потом все-таки эта тема обросла сюжетом. Побывал и в Ассоциации матерей-героинь, где встретился с добрейшими, милейшими женщинами, которые ничего не хотели говорить о своих трудностях. Только рассказывали замечательные истории про своих детей. И в результате появился фильм «Однажды, двадцать лет спустя».

Фильм «Одиноким предоставляется общежитие» тоже обязан газетам, в которых публика-

лись робкие, совсем не похожие на сегодняшние, брачные объявления.

- То-то вы всех своих героинь выдаете замуж.

- Я действительно пишу сказки, потому что убежден: не надо угнетать зрителя житейскими печалями, которых ему и так хватает. Человеку лучше подарить надежду. В свое время киношное начальство говорило обо мне: Инин - главный оптимист советского кино.

Когда я задумываю что-то новое, то прежде всего прикидываю: а будет ли это интересно женщинам? Женщины - это зрительский и читательский мотор. В любом зале - в кино, консерватории или библиотеке - женщин большинство.

- Вы выпустили 20 книг юмора. Но одна из последних так и называется: «Все о ней»... Так о ком - о прекрасной половине человечества или основном потребителе книжной продукции?

- Это книга-эссе: женщина и деньги, женщина и дети, женщина и ум, женщина и сплетни, женщина и любовь, женщина и реклама, женщина и глупость и так далее. Книга написана не только с юмором, но, поверьте, с большой любовью к женщине. Я совершенно согласен с Байроном, который сказал о женщинах: «Невозможно жить ни с ними, ни без них».

- А как вообще изменились темы вашего творчества в кино и юмористических книгах?

- Я по-прежнему пишу лирические вещи. Но последние три года ничего у меня в кино не происходит: добрые, улыбочивые, обнадеживающие фильмы сегодня, увы, не нужны. А я не хочу идти на компромисс.

В нынешнем кино востребовано то, что называется экшеном - движением и клиповым мышлением. И, видимо, возврата к доброму советскому кино, по которому тоскуют многие, уже не будет. Молодым, которые этого кино не знают, кажется диким, что герои ходят и полчаса разговаривают, выясняют какие-то отношения, вместо того чтобы уже прыгнуть в койку или подрасться.

На эстраде сейчас тоже большие перемены. Кого и что сегодня клеймить - непонятно. Это удается только гению Жванецкому. Он - вершина, у подножия которой мы все, остальные юмористы и сатирики, копошимся. Может быть, я обижаю кого-нибудь из своих коллег - кто-то, наверное, полагает, что, наоборот, они - вершины... Но, на мой взгляд, Жванецкому - единственному - удается остаться на сцене философом.

Большинство же юмористов, увы, скатываются все ниже и ниже. Даже ниже пояса. Возникает генитальный юмор, который, к сожалению, востребован, везде проходит.

- Как вы ощущаете свою жизнь? Это комедия, драма, трагедия или, может, лирика?

- Трагедий, слава богу, не было, кроме потери родителей. А вообще то бывали и драмы, и комедии, и фарсы... И уж тем более лирика. Но мемуаров от меня не дождейте. Я, как и большинство юмористов, достаточно иронично отношусь не только к миру, но прежде всего к самому себе, посмеиваюсь над своими недостатками. Да, сегодняшняя жизнь заставляет многих озлобиться. Но озлобление не плодотворно, оно ничего не меняет, а делает жизнь еще тяжелее, еще мрачнее. Ну а уныние вообще известный грех. Поэтому надо держаться, обязательно держаться! Сам я стараюсь не поддаваться грустным обстоятельствам жизни и призываю всех - не унывать! Мне вот уже исполнилось 65. Но если женщины думают о возрасте с ужасом, я - с удовольствием. Да, можно сказать, что 40 лет - это молодость старости, а 50 - это старость молодости. Но сколько ни занимайся словесной эквилибристикой - важно, как ты себя чувствуешь, как соображаешь... У меня и с первым, и со вторым - тьфу-тьфу-тьфу!

Беседовал
Николай ГОЛОВКИН